

**ДИЛОГИЯ В.К. АРСЕНЬЕВА О ДЕРСУ УЗАЛА:
ПИСАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД И ИСТОЧНИКИ СЮЖЕТА**

© **Воробьев Никита Сергеевич** (2020), ORCID: 0000-0001-6700-2914, SPIN-код: 3707-7510, независимый исследователь, Владивосток, cantimagine@mail@gmail.com

Созданный В.К. Арсеньевым образ Дерсу Узала, фигурирующий не только в одноименной книге, но и в повести «По Уссурийскому краю», давно приобрел черты культового полумифологического персонажа, олицетворяющего гармоничный союз человека и природы. Вместе с тем и простые читатели, и представители различных гуманитарных наук (историки, литературоведы, этнографы, краеведы) до сих воспринимают дилогию В.К. Арсеньева о Дерсу Узала как документальное повествование, не отступающее от событийной и хронологической канвы тех путешествий, которые В.К. Арсеньев совершил в 1902, 1906 и 1907 гг. При этом не учитывается то обстоятельство, что названная дилогия представляет собой прежде всего художественное произведение, подчиняющееся своим собственным законам, весьма далеким от тех закономерностей и принципов, которые регулируют документальные отчеты о реально произошедших событиях. В статье анализируется соотношение путевых дневников В.К. Арсеньева, содержащих основные элементы фабулы дилогии о Дерсу Узала, с сюжетом возникших на их основе травелогов. Доказывается, что многочисленные отступления от «правды» дневниковых записей в книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» обусловлены не причинами случайного характера, а сознательным стремлением автора усилить художественный эффект от того или иного эпизода, подчинить материал путевых дневников логике характера главного героя. Кроме того, вводится в научный оборот газетная статья В.К. Арсеньева «По поводу заметки „Недозволенная охота“» (1907), ранее неизвестная исследователям и позволяющая уточнить некоторые детали подлинной биографии Дерсу Узала.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, П.П. Бордаков, Дерсу Узала, путевой дневник, Уссурийский край.

В нынешнем, 2021 году исполняется ровно 100 лет с выхода в свет первой художественной (назовём её так) книги В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» [Арсеньев 1921]. Кроме того, близится выход нового – четвёртого – тома полного собрания сочинений Владимира Клавдиевича Арсеньева, а также переиздание первых трёх в

исправленном и существенно дополненном виде. В преддверии этого давно ожидаемого как широкой читательской аудиторией, так и учёной общественностью события будет нелишне прояснить некоторые малоизученные аспекты арсеньевской путевой прозы.

Книги В.К. Арсеньева, в которых фигурирует Дерсу Узала¹, считаются едва ли не документальными по своему содержанию, однако это утверждение требует важных оговорок. Действительно, их фабулу составили реальные события, происходившие с автором и его спутниками во время экспедиций по Уссурийскому краю, а первоисточниками текстов книг послужили экспедиционные дневники, но в угоду художественной убедительности В.К. Арсеньев оставил за собой право менять хронологию отдельных эпизодов и переставлять их местами.

В предисловии к первому изданию книги «По Уссурийскому краю» он писал: «Настоящий труд <...> включает в себе географические описания пройденных маршрутов и путевой дневник» [Арсеньев 1921, I]. Однако было бы ошибочно думать, что дневники В.К. Арсеньева тождественны его книгам или наоборот.

Во время Сихотэ-Алинских экспедиций 1906–1910 гг. В.К. Арсеньев вёл дневники, которые можно условно разделить на три типа: «Путевой» – описание пути следования (поденные записи различной степени подробности), а также записи специального характера (зоология, ботаника, геология и т. д.), «Дневник метеорологических наблюдений» с ежедневными записями о местоположении экспедиции, следующей точке маршрута и текущей погоде, и «Журнал астрономического определения пунктов» (последний – только в экспедиции 1908–1910 гг.). Помимо них, имелось несколько рабочих тетрадей вспомогательного характера для записи различных наблюдений, мыслей и фактов, откуда записи впоследствии переносились в путевые дневники, а также отдельные тетради словарного характера для записи орочских и удэгейских слов [Тарасова 1985]. Таким образом, фабулу будущей книги содержат путевые дневники, а дневники метеорологических наблюдений могут помочь восстановить маршрут экспедиции по пунктам и дням.

В действительности дневники В.К. Арсеньева являются сложными источниками как в силу обстоятельств, сопутствовавших их

---

¹ Помимо уже названной повести «По Уссурийскому краю», это «Дерсу Узала», опубликованный в 1923 году.

заполнению, так и в силу их последующей многоплановой обработки автором. Несмотря на упомянутое выше разделение, В.К. Арсеньеву по разным причинам не всегда удавалось вносить свои записи в подходящий для того дневник. «Нередко одна и та же общая тетрадь служила одновременно и путевым дневником, и рабочей тетрадью, и записной книжкой, и даже своеобразным альбомом, куда наклеивались во время путешествия и по возвращении из него различные рисунки, планы, карты, фотографии, документы, газетные вырезки. Только „Дневники метеорологических наблюдений“ и „Журналы астрономического определения пунктов“ строго отвечали целевому назначению», – резюмировала исследовательница арсеньевского наследия А.И. Тарасова [Тарасова 1985, 85-86]. При обработке дневников В.К. Арсеньев нередко их переформировывал, переносил страницы из одного дневника в другой и т. д. Поэтому записи с описанием пути нередко чередуются со сведениями о природных условиях, о хозяйстве и быте местных жителей и даже с заметками, относящимися к другим экспедициям.

Всё вышеперечисленное относится преимущественно к дневникам Сихотэ-Алинских экспедиций 1906–1910 гг. Для полноты картины нужно сказать, что все последующие дневники отличались большей систематичностью поденных записей: они стали буквально ежедневными. Совершенно выделяются на фоне всех дневников тетради из экспедиций 1926 и 1927 годов. Каждая из них целиком посвящена ежедневному описанию пройденного маршрута, а записи исследовательского характера внесены в отдельный дневник. Но это не единственное и далеко не главное отличие. С первых же страниц путевых дневников 1926 и 1927 годов становится ясно: В.К. Арсеньев писал уже не столько для себя, сколько для будущего читателя. К 1926 и тем более к 1927 году В.К. Арсеньев был уже признанным писателем, что не могло не сказаться на его методе ведения экспедиционных записей: он тщательно фиксировал увиденное за день с прицелом на будущую книгу. Сами по себе дневники 1926 и 1927 годов фактически являются готовыми художественно-документальными произведениями. Как известно, события экспедиции 1927 года легли в основу книги «Сквозь тайгу», вышедшей в Москве в 1930 году. Именно «Сквозь тайгу», в отличие от рассматриваемой в настоящей статье дилогии о Дерсу, – единственная книга В.К. Арсеньева, которая действительно в известной степени выросла из путевого дневника.

Возвращаясь к диалогии о Дерсу Узала, отметим, что следующей причиной, по которой экспедиционные дневники нельзя отождествлять с уже готовыми книгами, является свободное обращение В.К. Арсеньева со своим материалом. Читателям, знакомым с биографией и творчеством В.К. Арсеньева, давно известно, что его первая встреча с Дерсу Узала на самом деле произошла не в 1902 году в верховьях реки Лефу, как это описано во второй главе книги «По Уссурийскому краю», а в 1906 году на реке Тадушу. Подтверждением тому служит дневниковая запись В.К. Арсеньева от 3 августа 1906 года: «Вечером, когда мы сидели у костра, пришли мои два охотника и доложили, что из-за перевала, с Ли-Фудзина, пришёл охотник-гольд, который был там, где наши два охотника, и сообщил, что там всё благополучно. Этот гольд обещал придти на наш бивак. Уже поздно вечером, когда было уже часов около 9 вечера, пришел этот гольд. „Здравствуйте“, – сказал кто-то сзади. Я обернулся. У нашего огня стоял пожилой человек невысокого роста, приземистый, с выпуклой грудью, несколько кривоногий. <...> Имя его Дерсу, а фамилия Узала» [АОИАК, д. 1, л. 110].

Это подлинное описание первой встречи В.К. Арсеньева и Дерсу Узала поразительно отличается от книжного варианта, в котором, следует напомнить, гольд своим внезапным появлением устроил на биваке переполох. Понятно, что обстоятельства этой встречи, приведённые в книге, выдуманы – в действительности появление гольда на биваке было ожидаемо и, вероятно, никого не напугало. Однако не менее любопытно, что свою вторую по сюжету книги встречу с Дерсу Узала В.К. Арсеньев «поместил» в то самое место, где они впервые увиделись в реальной жизни. Именно на реке Тадушу вернувшийся с охоты солдат извещает автора о встрече с гольдом, обещающим вскоре прийти на бивак (практически как в дневниковой записи). Такие излишние на первый взгляд перестановки – ключевая особенность писательского метода В.К. Арсеньева, позволяющая перерабатывать довольно хаотичные дневниковые записи в художественно убедительные фабульные построения его знаменитых травелогов.

Однако подобные манипуляции с исходным документальным материалом давались автору весьма непросто. Михаил Пришвин, в сергиево-посадском доме которого В.К. Арсеньев гостил осенью 1928 года, вспоминал: «Сам В.К. Арсеньев рассказывал мне, что он был совсем неумел в литературном деле, его затрудняло, например,

событие одного года переносить в другой, и даже на мгновение он становился в тупик, когда приходилось перенести что-нибудь в дневнике со среды в пятницу» [Пришвин 1983, 435-436].

При внимательном анализе произведений В.К. Арсеньева можно найти немало нестыковок и противоречий, главным образом в датах и географии местности. Подобные огрехи были вызваны не только подгонкой реальных событий под сюжетную хронологию, обусловленную сугубо художественными задачами. Их возникновению способствовала изначально существовавшая путаница в экспедиционных дневниках писателя. Тот же М.М. Пришвин со слов В.К. Арсеньева передавал такую историю: «Материалом служили его одновременно написанные четыре дневника, помню, географический, топографический и еще какие-то два. И вот случилось, что одно и то же событие в географическом дневнике было записано в среду, а в топографическом в пятницу. Создавая на основе этих четырех фактических дневников литературную вещь, автор, как и Серая Сова², честно не желая расставаться с фактической правдой, стал в совершенный тупик и спросил своего друга: „Как же мне следует в литературном произведении написать о событии, в среду оно совершилось или в пятницу?“ – „Напиши, что в четверг!“ – ответил ему друг. И тут Арсеньев что-то понял и стал писать свободней, – и написал...» [Вальбе, Хмельницкая 1983, 713].

Книга «По Уссурийскому краю» состоит из двух частей. Первая (гл. I–VII) описывает события 1902 года, вторая (гл. VIII–XL) – экспедицию 1906 года. Что до сюжетных «первоисточников» книжного текста, то ими стали так называемые «поденные» записи в экспедиционных дневниках В.К. Арсеньева, отражающие событийную сторону экспедиции. К экспедиции 1906 года относятся четыре дневника: № 1, № 2, № 3, дневник метеорологических наблюдений³ и тетрадь для черновых записей, ныне утраченная. Дневник № 3 также содержит записи экспедиции 1908–1909 годов. Непосредственные поденные описания событий содержатся в каждом из трёх рабочих

---

² В то время как Максим Горький сравнивал В.К. Арсеньева с А.Э. Бремом и Дж.Ф. Купером, М.М. Пришвин нашёл крайне удачным его сравнение с Серой Совой – канадским писателем А.С. Билэни (1888–1938).

³ АОИАК, д. 1–4 (соответственно).

дневников 1906 года, перемежаясь со специальными записями по этнографии, статистике, флоре, фауне, орографии и т. д.

И если дневники 1906 года сохранились практически полностью, что позволяет проследить в хронологическом порядке маршруты экспедиции и все основные события, то о ранних экспедициях и командировках В.К. Арсеньева (1900–1905 гг.), в ходе которых был исследован практически весь Южно-Уссурийский край, вообще известно мало. Дневники за эти годы были утрачены еще при жизни автора, а его немногочисленные сообщения на этот счёт содержат крайне мало подробностей, поэтому говорить об исторической основе и достоверности описываемых в книге «По Уссурийскому краю» событий 1902 года приходится с большой осторожностью. Должно быть, события, связанные с пургой на озере Ханка и непосредственно предшествующие ей, действительно могли происходить с В.К. Арсеньевым и неким его проводником, оставшимся неизвестным.

До сих пор остается открытым вопрос: что могло заставить автора сфальсифицировать дату и место своей первой встречи с Дерсу Узала?

Кажется вероятным, что В.К. Арсеньев был не в силах отказаться от включения в книгу яркого и остросюжетного эпизода пурги на озере Ханка по той лишь причине, что проводником в 1902 году был не Дерсу, а некий другой туземец. Ведь в таком случае первая часть книги, рассказывающая об экспедиции с другим проводником, стояла бы особняком по отношению ко второй, об экспедиции 1906 года с Дерсу Узала. Фактически это были бы две разные истории, объединённые одной обложкой и общим заглавием. А поскольку события 1902 года не коррелировали с географией маршрутов и хронологией экспедиции 1906 года, что не позволяло «вписать» их в сюжет последней, В.К. Арсеньев придумал весьма удачное решение: заменить своего неизвестного проводника на Дерсу Узала, тем самым логически связав обе части книги и заодно обосновав необходимость включения в книгу описания своей ранней экспедиции рассказом о знакомстве с Дерсу. Поэтому сам автор объясняет необходимость описания событий 1902 года следующим образом: «В виду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 года по рр. Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедиции 1906 года» [Арсеньев 1921, III]. Отсюда берет начало легенда о месте и

дате первой встрече и, как следствие, о якобы «многолетнем» проводнике В.К. Арсеньева, кем иногда ошибочно считается Дерсу Узала. На самом деле они были знакомы менее полутора лет.

Между прочим, 1902 год долгое время ошибочно считался истинной датой первой встречи В.К. Арсеньева и Дерсу даже среди ученых-историков. Закреплению этой легенды способствовала не только высокая убедительность текста книги В.К. Арсеньева, но и наличие в одном из его дневников экспедиции 1906 года чернового варианта эпизода пурги на озере Ханка [АОИАК, д. 3, л. 48-56]. Несмотря на явный беллетристический характер текста, многочисленные исправления и т. д., некоторые исследователи считали данный фрагмент если не подлинной дневниковой записью, то, как минимум, воспоминаниями о реально происходивших событиях [Тарасова 1985, 88]. Для такой точки зрения имелись веские основания. Читая в экспедиционных дневниках Арсеньева описания природы, нельзя зачастую не отметить совершенно нетипичную для записей такого рода эмоциональность, нарочитую беллетризованность, исправления, нацеленные на поиск лучшего эпитета, и даже определенный пафос⁴. Несомненно, таким образом В.К. Арсеньев оттачивал свое писательское мастерство. Как настоящий художник, он делал свои словесные «эскизы» прямо с натуры, стремясь к наиболее красочному воссозданию увиденных им картин природы.

Книга «Дерсу Узала» целиком посвящена описанию экспедиции 1907 года. В этой экспедиции В.К. Арсеньев вёл, как минимум, пять дневников: № 1, № 2, № 3, № 4 и дневник метеорологических наблюдений.⁵ В отличие от экспедиции 1906 года, В.К. Арсеньев на этот раз сделал сравнительно немного подневных записей. Все они находятся в дневнике № 4 и охватывают только начальный этап экспедиции – с 11 июня по 20 июля 1907 года⁶. В них особый интерес представляют самые первые записи, вкратце описывающие подробности пребывания экспедиции во Владивостоке: подготовку к отплытию и связанные с этим проблемы, о чём практически совершенно не упоминается в книге.

---

⁴ Подробнее об этом см.: [Егорчев 2016, 21-25], [Кузьмичев 1977, 65-72].

⁵ АОИАК, д. 5–9 (соответственно).

⁶ АОИАК, д. 8, л. 30–41 об.

Нельзя не подчеркнуть, что реальные маршруты экспедиций В.К. Арсеньева несколько отличались от описываемых в книгах. Следующий пример хорошо иллюстрирует, как выглядела использованная автором перестановка событий. В «Дерсу Узала» (главы XX–XXII) рассказывается, как поздней осенью 1907 года отряд В.К. Арсеньева движется вдоль берега моря на север, от устья реки Кусун до устья реки Нахтоху, расстояние между которыми составляет почти 100 км. Снаряжение экспедиции везёт по морю специально нанятый лодочник. Штормом его лодку уносит к Сахалину, из-за чего по прибытии на реку Нахтоху путешественники его не застают и, считая лодочника погибшим вместе со всем снаряжением и зимней одеждой, решают вернуться обратно на Кусун, чтобы там зимовать. Однако спустя некоторое время пропавший лодочник возвращается невредимым вместе со всем снаряжением.

История с пропавшим и вновь объявившимся лодочником действительно имела место в ходе экспедиции 1907 года, подтверждение чему можно найти в статье «Сведения об экспедициях капитана Арсеньева» [Арсеньев 1912]. Но из нее следует, что в 1907 году экспедиция не проникала так далеко на север, как это описано в книге «Дерсу Узала», и даже не имела такой цели⁷, а лодку унесло штормом не в районе реки Кусун, а возле Холонку, находящейся южнее. Маршруты между реками Кусун и Нахтоху относятся на самом деле к экспедициям В.К. Арсеньева 1909 и 1911 годов.

Читателям, которые хорошо помнят окончание книги «По Усурийскому краю» и начало книги «Дерсу Узала», хорошо известно, что после завершения экспедиции 1906 года Дерсу Узала повторно (первый раз согласно сюжету имел место в 1902 году) якобы отказался от предложения В.К. Арсеньева поехать с ним в город и обещал дожидаться экспедиции будущего 1907 года, занимаясь соболеванием на реке Ваку, а затем живя у знакомого старика-гольда около урочища Анучино. Там его весной 1907 года по поручению В.К. Арсеньева якобы разыскал младший унтер-офицер Захаров, и вместе они на станции Ипполитовка якобы сели в поезд, на котором ехал во Владивосток сам Арсеньев. Эти «якобы» здесь не случайны: имеется ряд косвенных признаков, которые позволяют с полным основанием усомниться в той истории, которую сообщает

---

⁷ Предполагалось дойти лишь до реки Холонку (мыс Сосунова), находящейся между двумя упомянутыми реками.

В.К. Арсеньев, излагая обстоятельства прощания с Дерсу после окончания экспедиции 1906 года.

В 1949 году в Алма-Ате вышел сборник очерков А.Г. Петрова «В тайге». Под этим псевдонимом скрывался спутник В.К. Арсеньева по экспедиции 1907 года и его хороший друг Пётр Петрович Бордаков, ставший впоследствии крупным ученым и профессором. В книге имеется раздел «С В.К. Арсеньевым на р. Иодзыхэ» [Бордаков 1949, 50–62], представляющий собой краткий парафраз цикла публикаций П.П. Бордакова «На побережье Японского моря», напечатанного еще в 1914 году [Бордаков 1914]. Несмотря на чрезвычайно значительное сокращение объема исходного материала, в указанном разделе наличествуют весьма интересные подробности, отсутствующие в дореволюционной публикации. Во входящей в него главе «Знакомство с В.К. Арсеньевым» П.П. Бордаков пишет: «В скромной квартире В.К. и А.К. Арсеньевых я был свидетелем зарождения бесчисленных планов исследования Уссурийского края и технических приёмов подготовки к сложным таёжным путешествиям. Там же я впервые встретился с проводником В.К. Арсеньева, замечательным охотником-следопытом Дерсу Узала» [Бордаков 1949, 51–52]. И хотя П.П. Бордаков ошибочно относит этот эпизод к 1908 году, как и все последующее повествование, понятно, что речь идёт о весне 1907 года (в экспедиции 1908 года П.П. Бордаков участия не принимал). Однако по логике, следующей из сюжета книги «Дерсу Узала», знакомство П.П. Бордакова и Дерсу должно было произойти в вагоне поезда на станции Ипполитовка. Не вызывает никаких сомнений, что исторически достоверной является «версия» именно П.П. Бордакова – о знакомстве с Дерсу Узала на квартире у Арсеньева в Хабаровске, поскольку даже спустя более чем 40 лет с момента соответствующих событий, трудно перепутать такое определённое место, как квартира Арсеньева и его жены, с вагоном поезда. Осталось только найти доказательства этой версии.

В конце 1950-х годов хабаровский литератор Г.Г. Пермяков написал воспоминания первой жены В.К. Арсеньева Анны Константиновны, в которых были следующие строки: «В 1906 году ранней зимой Арсеньев привез к нам в Хабаровск Дерсу Узала, правильнее Дэрчу Оджал. <...> Дерсу жил у нас всю зиму...» [Арсеньева 2006, 302]. Под ранней зимой, по-видимому, имеется в виду конец ноября, поскольку В.К. Арсеньев вернулся в Хабаровск из экспедиции 17 ноября 1906 года. В своих воспоминаниях А.К. Арсеньева часто пу-

тала разные даты, однако в процитированном фрагменте датировка, очевидно, почти соответствует действительности. Вкупе с воспоминаниями П.П. Бордакова, слова А.К. Арсеньевой только подтверждают версию о том, что Арсеньев забрал Дерсу с собой в Хабаровск после экспедиции 1906 года.

Наконец, нами была найдена неизвестная прежде публикация В.К. Арсеньева «По поводу заметки „Недозволенная охота“» [Арсеньев 1907]. В ней В.К. Арсеньев разъясняет, что, вопреки обвинениям, выдвинутым в заметке «Недозволенная охота», подчиненные ему солдаты убили двух маток лося не из-за жестокости и пренебрежения к существующим правилам добычи крупного зверя, а по недоразумению, думая, что это «верблюды». Нас же в этой статье интересует фраза, содержащая информацию об одном из проводников В.К. Арсеньева: «Гольд, бывший со мной, именно искал случая убить матку <лося>, т. к. китайцы нарочно приходили к нему еще в Хабаровске и просили принести им такие выпоротки, обещая значительную сумму денег. Я, конечно, воспротивился этому» [Арсеньев 1907]. События, к которым она отсылает, происходили 10–12 марта 1907 года (т. е. в промежуток между экспедициями 1906 и 1907 годов) в районе хребта Хехцир в 30 километрах от Хабаровска. Дерсу Узала, как известно, был гольдом, а уточнение «ещё в Хабаровске» указывает на то, что Хабаровск В.К. Арсеньев со своим спутником-гольдом покидал вместе. Разумеется, неназванным гольдом мог быть кто угодно, однако по совокупности фактов кажется очевидным, что имеется в виду именно Дерсу Узала.

В воспоминаниях А.К. Арсеньевой есть слова, сказанные, судя по всему, в ответ на вопрос о противоречии между книгой В.К. Арсеньева и рассказом из книги П.П. Бордакова: «Подтверждаю, что Пётр Петрович бывал у нас в 23 стрелковом полку в Хабаровске, когда там жил Дерсу Узала. Они разговаривали и сидели за столом. Бордаков страдал от чудовищной махорки Дерсу, но терпел» [Арсеньева 2006, 317]. И хотя здесь не указан год, к которому относится это подтверждение, а описываемые события могли происходить и в 1907 году, как следует из приведенных выше фактов, и в 1908 году, когда Дерсу Узала действительно жил дома у Арсеньева, по-видимому, все-таки имеются в виду события 1907 года.

Таким образом, «книжная» версия прощания с Дерсу после окончания экспедиции 1906 года, вероятно, является очередной художественной вольностью, а в действительности легендарный гольд,

скорее всего, отправился с В.К. Арсеньевым в Хабаровск, где и прожил всю зиму и весну, вплоть до отправления в новую экспедицию. И если в случае с эпизодом пурги на озере Ханка логика автора с заменой персонажей понятна, то здесь же остаётся только догадываться, что послужило причиной таких необъяснимых на первый взгляд изменений реально происходивших событий. Однако не следует обвинять В.К. Арсеньева в умышленной фальсификации фактов, ведь сам он вряд ли мог предположить, что его книги когда-либо будут рассматриваться как документальный источник для изучения его биографии и деятельности [Егорчев 2016, 19].

Приведённые выше сведения дают лишь общее представление о писательском методе В.К. Арсеньева и о связи его экспедиционных дневников и книг. Эта тема настолько объёмна, что требует отдельного рассмотрения.

Источники

АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края (Приморский филиал Русского географического общества). Ф. 14. Оп. 1.

Арсеньев 1907 – Арсеньев [В.К.] *По поводу заметки «Недозволенная охота»* // Приамурье. Хабаровск, 1907. 7 апреля (№ 235). С. 5.

Арсеньев 1912 – [Арсеньев В.К.] *Сведения об экспедициях капитана Арсеньева В.К. (Путешествия по Уссурийскому краю). 1900–1910 гг.* // Записки Приамурского Отдела ИРГО. Хабаровск, 1912. Т. VIII, вып. 2. С. 1–36.

Арсеньев 1921 – Арсеньев В.К. *По Уссурийскому краю (Дерсу Узала): Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь.* Владивосток, 1921.

Арсеньева 2006 – Арсеньева А. *Мой муж – Володя Арсеньев: воспоминания* // Рубеж: Тихоокеанский альманах. Владивосток, 2006. № 6. С. 281–333.

Бордаков 1914 – Бордаков П.П. *На побережье Японского моря* // Юная Россия. СПб., 1914. № 1–8, 10–12.

Бордаков 1949 – Петров А.Г. (проф. П.П. Бордаков). *В тайге.* Алма-Ата, 1949.

Вальбе, Хмельницкая 1983 – Вальбе Р.Б., Хмельницкая Т.Ю. *Серая Сова: комментарий* // Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 4. Произведения 1932–1944 гг. М., 1983. С. 711–714.

Пришвин 1983 – Пришвин М.М. *Из книги «Золотой Рог»* // Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 4. Произведения 1932–1944 гг. М., 1983. С. 428–580.

Литература

Егорчев 2016 – Егорчев И.Н. *Неизвестный Арсеньев.* Владивосток, 2016.

Кузьмичев 1977 – Кузьмичев И.С. *Писатель Арсеньев: Личность и книги.* Л., 1977.

Тарасова 1985 – Тарасова А.И. *Владимир Клавдиевич Арсеньев.* М., 1985.

ARSENYEV'S DILOGY ABOUT DERSU UZALA: THE WRITING METHOD AND THE SOURCES OF THE PLOT

© **Vorobyov Nikita Sergeevich** (2020), ORCID: 0000-0001-6700-2914, SPIN-code: 3707-7510, independent researcher, Vladivostok, cantimagine@mail@gmail.com

The image of Dersu Uzala created by V.K. Arsenyev's, which appears not only in the book of the same name, but also in the story "Across the Ussuri Region", has long acquired the features of a cult semi-mythological character personifying the harmonious union of man and nature. At the same time, both ordinary readers and representatives of various humanitarian sciences (historians, literary critics, ethnographers) still perceive V.K. Arsenyev's diology about Dersu Uzala as a documentary narration that does not deviate from the eventual and chronological outline of V.K. Arsenyev's travels of 1902, 1906 and 1907. This does not take into account the fact that this diology is, first of all, a work of art, subject to its own laws, which are very far from those laws and principles that govern documentary reports on real events. The article analyzes the correlation of V.K. Arsenyev's travel diaries, containing the main elements of the plot of the diology about Dersu Uzala, with the plot of the travelogues that were written on their basis. The study proves that numerous deviations from the "truth" of the diary entries in the books "Across the Ussuriysk Territory" and "Dersu Uzala" are caused not by reasons of a random nature, but by the author's conscious desire to enhance the artistic effect of a particular episode, to correlate the material of the travel diaries with the logic and worldview of the protagonist. In addition, the article introduces into a scientific circulation a newspaper article by V.K. Arsenyev "Regarding the note "Unlawful hunting " (1907). This article was previously unknown to researchers; however, it allows to clarify some details of the true biography of Dersu Uzala.

Keywords: V.K. Arsenyev, P.P. Bordakov, Dersu Uzala, travel diary, Ussuri region.

References

(Monographs)

Егорчев 2016 – Egorchev I.N. *Neizvestnyy Arsen'yev* [Unknown Arseniev]. Vladivostok, 2016. (In Russian).

Кузьмичев 1977 – Kuz'michev I.S. *Pisatel' Arsen'yev: Lichnost' i knigi* [Writer Arsenyev: Personality and Books]. Leningrad, 1977. (In Russian).

Тарасова 1985 – Tarasova A.I. *Vladimir Klavd'yevich Arsen'yev* [Vladimir Klavdievich Arsenyev]. Moscow, 1985. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.10.2020